

01.5;11.4;14.3

Детектирование фазы быстрого сна по сигналам электроэнцефалограммы на основе модификаций вейвлет-анализа

© М.О. Журавлев, А.Е. Руннова, А.Р. Киселев, А.А. Орлова, М.В. Агальцов, О.М. Драпкина

Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России, Москва, Россия

E-mail: zhuravlevmo@gmail.com

Поступило в Редакцию 9 сентября 2022 г.

В окончательной редакции 9 сентября 2022 г.

Принято к публикации 16 ноября 2022 г.

Проведен анализ электрической активности мозга на полисомнографических записях с использованием нового метода колебательных вейвлет-паттернов. Впервые показано, что сигналы электроэнцефалограммы, зарегистрированные в стадии быстрого сна, обладают специфическими колебательными характеристиками в частотной области 20–40 Hz и позволяют статистически достоверно отличить данную стадию сна как от других стадий сна, так и от бодрствования.

Ключевые слова: непрерывный вейвлетный анализ, полисомнография, стадии сна.

DOI: 10.21883/PJTF.2023.02.54285.19359

Одним из важных направлений внедрения новых методов нелинейной динамики является их применение в области биомедицины. В частности, сегодня одной из перспективных задач при применении таких методов являются автоматизация и объективизация клинических оценок сна пациентов. Среди ученых до сих пор отсутствует понимание необходимости сна для полноценного функционирования организма и сохранения когнитивных функций человека. Фундаментальное и клиническое изучение сна затрудняется сложностью стадирования и анализа полисомнографий (ПСГ), т.е. ночных записей комплекса биомедицинских сигналов. По сей день оценку ПСГ проводят врачи-сомнологи рутинным методом визуального анализа в соответствии с официальными стандартами [1–3]. Такой анализ занимает достаточно длительное время экспертной работы и приводит к дороговизне подобных исследований. Кроме того, результат расшифровки становится субъективным, сильно зависящим от опытности эксперта. Внедрение новых методов анализа должно позволить реализовать автоматизацию процесса стадирования сна, что в свою очередь приведет к увеличению эргономичности анализа, сокращению человеческих затрат и объективизации работы специалистов-исследователей в области изучения сна.

В настоящее время существует значительное число научных работ, направленных на создание автоматизированных систем стадирования ПСГ. В качестве математических основ используются различные фрактальные методы и их модификации для анализа электроэнцефалограммы (ЭЭГ) [4,5], методы нелинейной динамики [6,7], а также искусственные нейронные сети, в том числе многослойные с одновременным использованием ЭЭГ, электромиограммы (ЭМГ) и электроокулограммы (ЭОГ) [8]. Тем не менее до сих пор результаты существующих методов стадирования демонстрируют слабую

корректность при экспертной проверке в рутинных клинических исследованиях [9,10].

Одной из подзадач, требующих решения для создания универсальной автоматизированной системы разметки полисомнографических записей, являются поиск и выявление четких критериев различия на ЭЭГ между первой стадией медленного сна (N1), быстрым или парадоксальным сном (REM) и бодрствованием [11,12]. В настоящее время для различения этих стадий дополнительно используют сигналы ЭОГ и ЭМГ [13], что приводит к усложнению ПСГ-исследований, а также закрывает перспективы создания портативных устройств для мониторинга структуры сна на основе только ЭЭГ-сигналов.

Настоящая работа посвящена изучению возможности применения нового метода анализа частотных паттернов [14] для выявления четких различий между стадией N1, стадией REM сна и бодрствованием на ЭЭГ-записях во время ночного мониторинга. Отличительная особенность метода частотных паттернов, основанного на использовании непрерывного вейвлетного преобразования, заключается в его способности выявлять тонкие различия в биоэлектрических сигналах, которые не удается выявить классическими методами, как было показано в работах [14–16].

Математической основой разработанного метода является непрерывное вейвлетное преобразование [17,18]:

$$W(s, t_0) = \frac{1}{\sqrt{s}} \int_{-\infty}^{\infty} x(t) \psi^* \left(\frac{t - t_0}{s} \right) dt, \quad (1)$$

где $x(t)$ — анализируемый сигнал, s — масштаб времени, определяющий ширину вейвлета, звездочка — комплексное сопряжение, а $\psi_{t_0, s}(t)$ — базис вейвлетного преобразования в виде комплексной функции. В рамках работы с биологическими сигналами в качестве

базисной функции традиционно используется вейвлет Морле [17]:

$$\psi_{t_0,s}(t) = \sqrt{f} \pi^{1/4} e^{j\omega_0 f(t-t_0)} e^{f(t-t_0)^2/2}. \quad (2)$$

Здесь ω_0 — параметр масштабирования вейвлета, обеспечивающий связь между временным масштабом вейвлет-преобразования (s) и частотой преобразования Фурье (f), где $f = 1/s$. Мгновенное распределение энергии непрерывного вейвлетного преобразования определяется следующим соотношением:

$$E(f, t_n) = |W(f, t_n)|^2. \quad (3)$$

Далее кратко опишем алгоритм метода выделения частотных паттернов, предложенный в работе [15]. Для каждого момента времени t_n составим набор частот f_j (где $j = 1, 2, \dots, m$), которые соответствуют локальным максимумам $E(f_j, t_n)$ мгновенной энергии. При анализе полной длительности исследуемого сигнала образуется набор частот f_j^n , где n — длительность экспериментального сигнала, т.е. количество временных отсчетов в сигнале. Введем условие существования паттерна активности с частотой f_j на временном интервале $[t_n; t_{n+1}]$

$$|f_j^n - f_s^{n+1}| < \delta, \quad (4)$$

где f_j^n — каждая из частот, для которой на временном шаге t_n наблюдаются локальные максимумы $E(f_j, t_n)$, а f_s^{n+1} — аналогичные частоты с локальными максимумами $E(f_s, t_{n+1})$ для следующего временного шага t_{n+1} , δ — численная константа, выбираемая исходя из особенностей экспериментальных сигналов. Если для некоторых частот f_{a1}^n и f_{a2}^{n+1} выполняется условие (4), то необходимо проверить выполнение условия (4) на следующем временном шаге для f_{a2}^{n+1} и вплоть до момента, когда условие (4) станет неверным (иными словами, до окончания активности данного колебательного паттерна). При этом каждый колебательный паттерн P может быть описан частотой в каждый из моментов времени своего существования, т.е. $P(f, t) = \{\{a_1, t_n\}, \{a_2, t_{n+1}\}, \dots, \{a_m, t_{n+m}\}\}$, где m характеризует дискретную временную длительность существования паттерна. Тогда „время жизни“ паттерна P определяется как

$$T = t_{n+m} - t_n. \quad (5)$$

Кроме того, для каждого частотного паттерна P можно ввести среднюю частоту f_{md} в виде

$$f_{md} = \frac{\sum_{i=1}^m a_i}{m}. \quad (6)$$

Если временная длительность T колебательного паттерна P не превосходит периода колебаний его средней частоты f_{md} , т.е. $T < (f_{md})^{-1}$, то данный паттерн необходимо считать случайной шумовой помехой, и при дальнейшем анализе он не учитывается. Однако

дополнительно к данным известным характеристикам паттерна мы предлагаем рассчитать среднюю энергию E

$$E = \frac{\sum_{i=1}^m E_i}{m}. \quad (7)$$

Данная методика применена к ПСГ-записям пяти практически здоровых пациентов, зарегистрированных и описанных на клинической базе НМИЦ ТПМ. Во время проведения ПСГ записывались стандартные для данной процедуры сигналы (ЭЭГ, ЭМГ, ЭОГ, электрокардиограмма, дыхание), на основе которых опытным врачом-сомнологом была построена гипнограмма, т.е. разметка стадий сна. ЭЭГ записывались для каждого пациента в шести каналах (O1, O2, C3, C4, Fp1, Fp2) согласно стандартной международной схеме „10-20“.

Для каждой из ЭЭГ-записей рассчитаны характеристики паттернов (5)–(7) в восьми частотных диапазонах: $\Delta f_1 \in [1; 2.5]$ Hz, $\Delta f_2 \in [2.5; 4.5]$ Hz, $\Delta f_3 \in [4.5; 6.5]$ Hz, $\Delta f_4 \in [5; 9]$ Hz, $\Delta f_5 \in [9; 12]$ Hz, $\Delta f_6 \in [12; 14]$ Hz, $\Delta f_7 \in [14; 20]$ Hz, $\Delta f_8 \in [20; 40]$ Hz. В каждом диапазоне Δf_i в плавающем временном окне $\Delta t = 30$ s рассчитывались количество паттернов N , возникающих в данном окне, усредненные характеристики „времени жизни“ T и нормированной энергии E для этих паттернов. На основе экспертных гипнограмм рассчитывались статистические оценки данных характеристик для каждой стадии сна. На рис. 1 представлены распределения количества паттернов N , среднего „времени жизни“ паттернов T и средней энергии паттернов E для всех каналов ЭЭГ в частотном диапазоне Δf_8 для одного из испытуемых. Стадия REM сна демонстрирует статистически значимые различия в среднем „времени жизни“ паттернов в сравнении со всеми другими стадиями для ЭЭГ, записанных в каналах O1, O2, C3 и C4. Для количества N и энергии E наблюдаются статистически значимые отличия стадии REM от стадии N1 и бодрствования (AW) для всех каналов ЭЭГ.

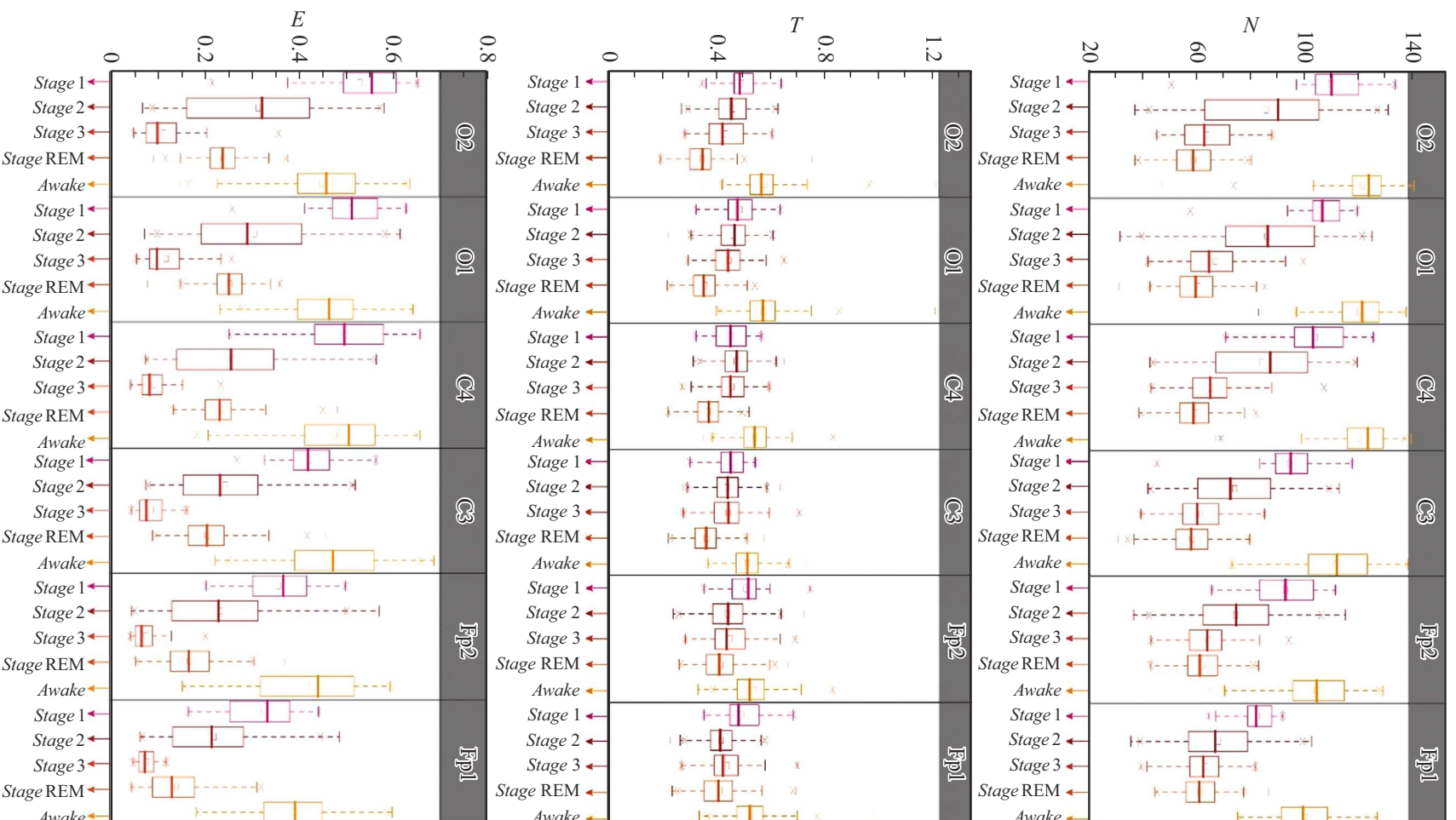
Далее введем параметры, характеризующие разницу между средним значением количества N , средним „времени жизни“ T и средней энергией E в частотном диапазоне Δf_8 для сравнения каждого состояния со стадией REM сна, следующим образом:

$$\Delta \tau_{N_{N1,N2,N3,AW}}^{O1,O2,C3,C4} = \langle N_{N1,N2,N3,AW}^{O1,O2,C3,C4} \rangle - \langle N_{REM}^{O1,O2,C3,C4} \rangle, \quad (8)$$

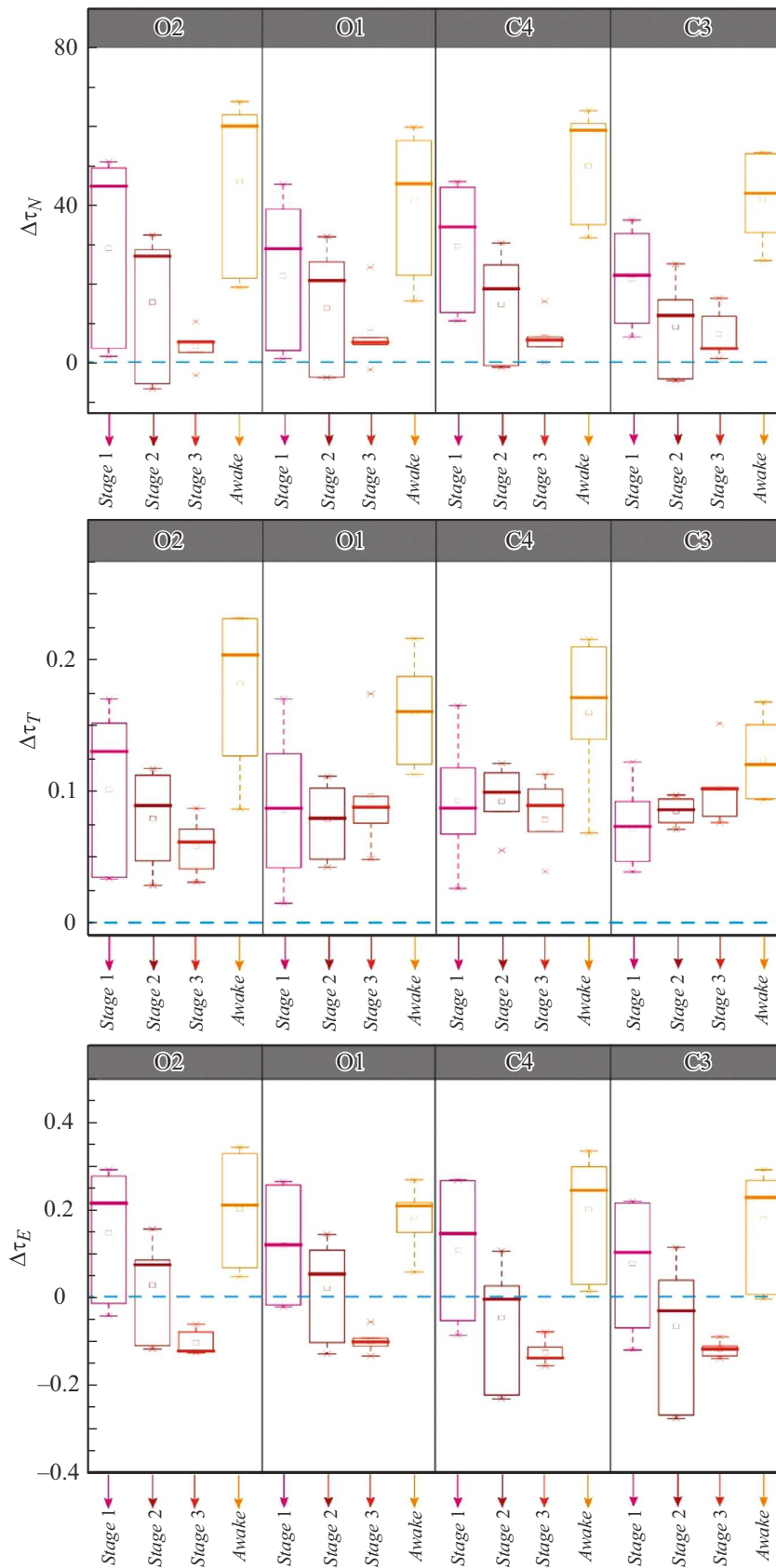
$$\Delta \tau_{T_{N1,N2,N3,AW}}^{O1,O2,C3,C4} = \langle T_{N1,N2,N3,AW}^{O1,O2,C3,C4} \rangle - \langle T_{REM}^{O1,O2,C3,C4} \rangle, \quad (9)$$

$$\Delta \tau_{E_{N1,N2,N3,AW}}^{O1,O2,C3,C4} = \langle E_{N1,N2,N3,AW}^{O1,O2,C3,C4} \rangle - \langle E_{REM}^{O1,O2,C3,C4} \rangle. \quad (10)$$

Результаты оценки соотношений (8)–(10) представлены на рис. 2. Во всех ЭЭГ-каналах, исключая фронтальные, наблюдается общая тенденция снижения „времени жизни“ паттернов в частотном диапазоне Δf_8 для стадии REM сна. Кроме того, существенные отличия стадии REM сна от стадии бодрствования проявляются в общем снижении количества и энергии паттернов. В то же

Рис. 1. Распределение по стадиям сна количества паттернов N , среднего «времени жизни» паттернов T , среднего значения нормированной энергии паттернов E для частотного диапазона Δf_8 у одного из пациентов.

Рис. 2. Распределение параметров (8)–(10), характеризующих разницу между средним значением количества паттернов N , средним „временем жизни“ паттернов T и средней энергией паттернов E в частотном диапазоне Δf_8 во всех стадиях сна и в стадии REM сна для всех пациентов.

время стадии N1 и REM сна значимо различаются для количества паттернов лишь в каналах C3 и C4.

Таким образом, использование методики частотных вейвлет-паттернов позволяет решить одну из задач стадирования сна, а именно ввести четкие критерии детекции REM-стадий на фоне стадии N1 и бодрствования, основываясь на анализе лишь сигналов ЭЭГ. Полученный результат открывает дальнейшие перспективы для разработки автоматизированных систем разметки ПСГ с применением вейвлет-паттернов.

Финансирование работы

Исследование поддержано государственным заданием Минздрава России в рамках научной работы „Разработка алгоритмов распознавания маркеров нарушений дыхания во сне у пациентов с различными формами сердечно-сосудистой патологии“ (№ 122013100209-5), выполняемой в ФГБУ „НМИЦ ТПМ“ Минздрава России в 2022–2024 гг.

Соблюдение этических стандартов

Все процедуры, выполненные в исследовании с участием людей, соответствуют этическим стандартам институционального и национального комитета по исследовательской этике и Хельсинкской декларации 1964 г. и ее последующим изменениям или сопоставимым нормам этики. От каждого из включенных в исследование участников было получено информированное добровольное согласие.

Конфликт интересов

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Список литературы

[1] M.A. Carskadon, A. Rechtschaffen, in *Principles and practice of sleep medicine*, ed. by M.H. Kryger, T. Roth, W.C. Dement (Elsevier, 2005), p. 1359–1377.
DOI: 10.1016/B0-72-160797-7/50123-3

[2] P.R. Carney, R.B. Berry, J.D. Geyer, *Clinical sleep disorders* (Lippincott Williams & Wilkins, 2005).

[3] M.A. Carskadon, W.C. Dement, in *Principles and practice of sleep medicine*, ed. by M.H. Kryger, T. Roth, W.C. Dement (Elsevier, 2005), p. 13–23.
DOI: 10.1016/B0-72-160797-7/50009-4

[4] О.И. Антипов, А.В. Захаров, В.А. Неганов, Физика волновых процессов и радиотехнические системы, **15** (3), 101 (2012).

[5] И.Е. Антипов, А.В. Захаров, О.И. Повереннова, В.А. Неганов, А.Е. Ерофеев, Саратов. науч.-мед. журн., **8** (2), 374 (2012).

[6] U.R. Acharya, S. Bhat, O. Faust, H. Adeli, E.C.P. Chua, W.J.E. Lim, J.E.W. Koh, *Eur. Neurology*, **74** (5-6), 268 (2015).
DOI: 10.1159/000441975

[7] L. Fraiwan, K. Lweesy, N. Khasawneh, H. Wenz, H. Dickhaus, *Comput. Meth. Progr. Biomed.*, **108** (1), 10 (2012).
DOI: 10.1016/j.cmpb.2011.11.005

[8] M.E. Tagluk, N. Sezgin, M. Akin, *J. Med. Syst.*, **34** (4), 717 (2010). DOI: 10.1007/s10916-009-9286-5

[9] J. Caffarel, G.J. Gibson, J. Harrison, C.J. Griffiths, M.J. Drinnan, *Med. Biol. Eng. Comput.*, **44** (1), 105 (2006).
DOI: 10.1007/s11517-005-0002-4

[10] S.D. Pittman, M.M. MacDonald, R.B. Fogel, A. Malhotra, K. Todros, B. Levy, A.B. Geva, D.P. White, *Sleep*, **27** (7), 1394 (2004). DOI: 10.1093/sleep/27.7.1374

[11] F. Chapotot, G. Becq, *Int. J. Adapt. Control Signal Process.*, **24** (5), 409 (2010). DOI: 10.1002/acs.1147

[12] R.B. Baumgart-Schmitt, W.M. Herrmann, R. Eilers, F. Bes, *Neuropsychobiology*, **36** (4), 194 (1997).
DOI: 10.1159/000119412

[13] M. Ronzhina, O. Janoušek, J. Kolářová, M. Nováková, P. Honzík, I. Provazník, *Sleep Med. Rev.*, **16** (3), 251 (2012).
DOI: 10.1016/j.smrv.2011.06.003

[14] A. Runnova, M. Zhuravlev, R. Ukolov, I. Blokhina, A. Dubrovski, N. Lezhnev, E. Sitnikova, E. Saranceva, A. Kiselev, A. Karavaev, A. Selskii, O. Semyachkina-Glushkovskaya, T. Penzel, J. Kurths, *Sci. Rep.*, **11** (1), 18505 (2021). DOI: 10.1038/s41598-021-97427-9

[15] K. Sergeev, A. Runnova, M. Zhuravlev, O. Kolokolov, N. Akimova, A. Kiselev, A. Titova, A. Slepnev, N. Semenova, T. Penzel, *Chaos*, **31** (7), 073110 (2021).
DOI: 10.1063/5.0055441

[16] N. Semenova, K. Segreev, A. Slepnev, A. Runnova, M. Zhuravlev, I. Blokhina, A. Dubrovski, M. Klimova, A. Terskov, O. Semyachkina-Glushkovskaya, J. Kurths, *Eur. Phys. J. Plus.*, **136** (7), 736 (2021).
DOI: 10.1140/epjp/s13360-021-01715-2

[17] А.Н. Павлов, А.Е. Храмов, А.А. Короновский, Е.Ю. Ситникова, В.А. Макаров, А.А. Овчинников, УФН, **182** (9), 905 (2012). DOI: 10.3367/UFNr.0182.201209a.0905 [A.N. Pavlov, A.E. Hramov, A.A. Koronovskii, E.Yu. Sitnikova, V.A. Makarov, A.A. Ovchinnikov, *Phys. Usp.*, **55** (9), 845 (2012). DOI: 10.3367/UFNe.0182.201209a.0905].

[18] A.E. Hramov, A.A. Koronovskii, V.A. Makarov, A.N. Pavlov, E. Sitnikova, *Wavelets in neuroscience* (Springer, Berlin–Heidelberg, 2015). DOI: 10.1007/978-3-030-75992-6